

с остатками здравого смысла, социалисты-большевики выбрасывали сразу же и без всякой соразмерности»⁹⁹.

Характерно, что подавляющее большинство активных деятелей правых партий, не испытывая никаких симпатий к большевистской власти, тем не менее уклонились от вооружённого противостояния ей. Лишь единицы из них приняли участие в Белом движении, да и то, как правило, находились в правой оппозиции генералитету (как Марков и Пуришкевич). Были и те, кто примкнул к красным, как, например, член совета Русского собрания военный инженер К.И. Величко, поступивший на службу в РККА, которую счёл единственной в стране организованной силой, обороняющей Россию от немцев, или бывший хозяин правого салона кн. М.М. Андроников, сотрудничавший, по некоторым сведениям, с кронштадтской ЧК¹⁰⁰. В отличие от либералов и социалистов, процент эмигрировавших правых был невелик – большинство их осталось в России. Почти все они погибли в период «красного террора» или в 1930-е гг.

⁹⁹ Марков Н.Е. Учредительное собрание // Марков Н.Е. Войны тёмных сил... С. 374.

¹⁰⁰ Стогов Д.И. Князь М.М. Андроников и революционные события 1917 года // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей / Сост. А.Б. Николаев. СПб., 2014. С. 227–229.

Комиссариат Временного правительства над бывшим Министерством двора

Пётр Гордеев

The Commissariat of the Provisional Government over the former Ministry of the Court

Petr Gordeev (Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg)

История Министерства императорского двора и уделов Российской империи (далее – МИДв) в постсоветские годы пристально изучалась исследователями, однако в ней остаётся ещё немало «белых пятен». Эти пробелы до сих пор не позволяли составить целостное представление о том, что же произошло с громоздкой структурой МИДв в 1917 г., хотя отдельные сюжеты (например, попытка создания «Министерства искусств») хорошо изучены. В историографии утвердилось лишь представление об упразднении МИДв после Февральской революции¹.

После падения монархии положение придворного ведомства оказалось, по понятным причинам, особенно уязвимым. В начале марта 1917 г. в печати

© 2017 г. П.Н. Гордеев

¹ Шенелёв Л.Е. Титулы, мундиры и ордена Российской империи. М., 2004. С. 381; Управленческая элита Российской империи. История министерств. 1802–1917. СПб., 2008. С. 568.

регулярно появлялись слухи о грядущем его присоединении к Министерству народного просвещения, разделении между разными ведомствами или преобразовании в Министерство изящных искусств², но ни один из подобных прогнозов не сбылся. Существование более трёх десятков разнообразных «установлений», подчинённых МИДв, а также отсутствие у членов Временного комитета Государственной думы (далее – ВКГД) и Временного правительства чётких представлений о том, что с ними делать, привели 1–8 марта к назначению в различные структуры МИДв нескольких комиссаров. 2 марта ВКГД направил в Дирекцию императорских театров Н.Н. Львова, которому 4 марта Временное правительство поручило «общее заведывание» имуществами МИДв; его помощником стал архитектор и общественный деятель П.М. Макаров. Члену Государственной думы И.В. Титову 4 марта было поручено управление делами Кабинета его величества. С 1 по 7 марта журналист Ф.П. Купчинский получил от ВКГД и правительства ряд полномочий, передавших ему руководство Собственным его величества гаражом, а затем и Придворной конюшенной частью. Наконец, 8 марта комиссаром над бывшим МИДв Временное правительство назначило видного деятеля кадетской партии Ф.А. Головина, в 1907 г. занимавшего пост председателя II Думы. 10 марта он взял в помощники Макарова и не позднее 11 марта сформировал «Канцелярию комиссара Временного правительства над бывшим Министерством двора», являвшуюся его личным секретариатом и обеспечивавшую связь между ним и различными учреждениями, включая Канцелярию бывшего МИДв³. 20 марта последовало постановление Временного правительства «О порядке распоряжения имуществами, предприятиями и капиталами бывшего Министерства двора, перешедшими ныне в собственность государства», объявлявшее о национализации всего, что принадлежало МИДв, и определявшее полномочия комиссара, «от которого только и могут исходить распоряжения, касающиеся упомянутых имуществ, предприятий и капиталов»⁴. Следует отметить, что хотя в журнале заседания инициатором принятия данного постановления назван управляющий делами Временного правительства В.Д. Набоков, в действительности этот проект был подготовлен и отправлен министру-председателю кн. Г.Е. Львову Головиным⁵.

8 марта 1917 г. с назначением Головина возникло новое государственное учреждение – Комиссариат Временного правительства над бывшим Министер-

² Учреждение министерства изящных искусств // Петроградская газета. 1917. 5 марта; Охрана художественных ценностей // Речь. 1917. 7 марта; Последние известия // Там же. 8 марта; *Ган Л.* Как будет ликвидировано министерство бывшего императорского двора? // Биржевые ведомости (вечерний выпуск). 1917. 12 марта.

³ *Гордеев П.Н.* Февральская революция и Министерство двора // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2011. С. 36–44; *Гордеев П.Н.* Председатель II Государственной думы Ф.А. Головин – комиссар Временного правительства над бывшим Министерством двора // Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы истории парламентаризма. СПб., 2012. С. 172–177; *Гордеев П.Н.* Ф.П. Купчинский – уполномоченный Временного комитета Государственной думы и Временного правительства по делам бывшей Придворной конюшенной части и бывшего Гаража его величества // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма. Ч. 2. СПб., 2013. С. 65–66.

⁴ Журналы заседаний Временного правительства: Март–октябрь 1917 года. Т. 1. М., 2001. С. 139.

⁵ ГА РФ, ф. 1778, оп. 1, д. 283, л. 33.

ством двора⁶. Характерно, что из названия выпало слово «императорского», попавшее в опалу после Февральской революции. В своих приказах по ведомству Головин ни разу не употребил этот эпитет⁷. В правительственных постановлениях, касавшихся МИДв, об «императорском» дворе упоминалось до 8 марта включительно⁸. В служебной переписке на старых бланках «неудобное» слово нередко вычёркивали⁹.

В постановлении Временного правительства о назначении Головина комиссаром над МИДв отсутствовало также привычное продолжение «и уделов». Между тем прежде удельное ведомство было не просто одним из учреждений МИДв, а фактически объединялось с ним на началах «личной унии» — под руководством одного министра¹⁰. 10 марта правительство решило «Главное управление уделов сохранить, предоставив князю Виктору Сергеевичу Кочубею остаться во главе этого Управления». 15 марта министры, ничего не говоря о Головине, признали, что «ввиду сохранения заведования Главным управлением уделов за князем Кочубеем, надобности в назначении в это ведомство комиссара в настоящее время не имеется»¹¹. Наконец, 16 марта был установлен порядок руководства удельным ведомством, в котором, впредь до решения Учредительного собрания, все имущества объявлялись «государственной (национальной) собственностью», любые выдачи членам бывшего императорского дома воспрещались, а распоряжение «всеми означенными имуществами, предприятиями и капиталами» предписывалось возложить на Главное управление уделов, «выделив таковое в особое главное управление, с предоставлением начальнику его права производства всех расходов, потребных на управление и хозяйственную деятельность ведомства, в пределах назначений по смете, утверждаемой Временным правительством»¹². При этом с 3 по 16 марта (т.е. и до, и после назначения комиссара над бывшим МИДв) между кн. В.С. Кочубеем и кн. Г.Е. Львовым шла переписка, в которой имя Головина и занимаемая им должность даже не упоминались. Кроме того, ещё 7 марта Главное управление уделов разослало начальникам удельных округов подписанный помощником начальника управления Г.Г. Снежковым циркуляр, рекомендовавший изменить форму бланков для переписки, «сохранив в них только

⁶ Именно так ведомство, руководимое Головиным, называлось в дневниках В.А. Теляковского, А.Н. Бенуа, делопроизводстве Особого совещания по делам искусства, хотя в служебной переписке, как правило, употреблялось наименование «бывшее Министерство двора» — понятное, но не особенно удачное применительно к действующему государственному учреждению. Слово «бывшее» использовалось практически во всех официальных бумагах и для обозначения отдельных учреждений Комиссариата — Канцелярии *бывшего* МИДв, *бывшего* Кабинета Его Величества и др. Подробнее см.: *Гордеев П.Н.* Председатель II Государственной думы Ф.А. Головин... С. 164–165.

⁷ Их подлинники сохранились в фонде Канцелярии МИДв: РГИА, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 1, л. 1–133. При их публикации в «Вестнике Временного правительства» лишь единожды, в приказе № 7 от 18 марта, выражение «императорского» использовалось в заголовке (Приказ комиссара Временного Правительства над бывшим министерством императорского двора и уделов // Вестник Временного правительства. 1917. 25 марта).

⁸ Журналы заседаний Временного правительства... С. 27, 39, 53, 139.

⁹ См., например: РГИА, ф. 472, оп. 60, д. 2312, л. 51–53, 57–58.

¹⁰ Например, в списке 33 учреждений, входивших в состав МИДв, направленном 4 марта помощником министра двора гр. М.Е. Ниродом министру-председателю кн. Г.Е. Львову, Главное управление уделов указано не было: Там же, оп. 58 (15 доп.), д. 2, л. 3–3 об.

¹¹ Журналы заседаний Временного правительства... С. 53, 67, 101.

¹² Постановления Временного правительства // Вестник Временного правительства. 1917. 17 марта.

наименование учреждения и адрес». Тут же приводился и образец: «Управление или Начальник... Удельного округа, управления, имени и т.п.»¹³. Таким образом, с бланков удалялось упоминание о МИДв.

Тем самым Главное управление уделов с самого начала революции фактически, а с 16 марта и формально выделилось из состава МИДв и приобрело самостоятельный статус¹⁴. Однако в первых 16 приказах (вплоть до 17 апреля) Головин именовал себя «комиссаром над бывшим Министерством двора и уделов»¹⁵, с такой же формулировкой до 21 апреля его распоряжения публиковались в официальном правительственном издании¹⁶. Впрочем, в сами дела руководимого кн. Кочубеем ведомства комиссар не вмешивался. Лишь 14 апреля состоялся окончательный раздел удельной собственности: дворцы перешли в ведение комиссара над бывшим МИДв¹⁷, Балаханский нефтяной промысел — Министерству торговли и промышленности, «все остальные имущества и предприятия» — Министерству земледелия, а капиталы — в казну и в заведование Министерства финансов¹⁸. 21 апреля Канцелярия комиссара над бывшим МИДв предписала Канцелярии бывшего МИДв «ввиду постановления Временного правительства от 14-го сего апреля, по поручению г. комиссара... заказать возможное количество всех бланков для Канцелярии комиссара без надписи “и уделов”, а также заказать новые штемпеля и печати с устранением той же надписи»¹⁹.

При этом правительство только усиливало путаницу, присваивая удельному ведомству статус «особого Главного управления», отдавая указания непосредственно его начальнику и в то же время в своих журналах именуя Головина комиссаром над бывшим МИДв «и уделов» — и после 16 марта, и даже некоторое время после 14 апреля (последний раз — 23 апреля)²⁰. Подобные противоречия наглядно свидетельствуют о том, что изучать политическую историю революционного времени, опираясь только на законодательные акты, невозможно — они могли обесмысливать друг друга, поскольку издавались в условиях нарушения обычного хода дел и, зачастую, случайно оказавшимися во главе ведомств людьми.

Возглавлявшийся Головиным Комиссариат был не в очередной раз реорганизованным МИДв (с 8 марта его следует считать упразднённым), а новым учреждением, которое уже не имело статуса министерства (Головин, соответственно, не являлся членом Временного правительства). Его положение в системе государственного управления России было исключительным, поскольку ни один из действовавших на схожих основаниях органов власти (например, Комиссариат над Канцелярией по принятию прошений) не был создан на основе ведомства, сопоставимого с МИДв по обширности и значимости.

¹³ РГИА, ф. 515, оп. 69, д. 650, л. 1, 3, 6–6 об., 8, 12, 19.

¹⁴ *Любарская Т.Г.* Учреждения удельного ведомства // Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 3. СПб., 2002. С. 189.

¹⁵ РГИА, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 1, л. 2–30.

¹⁶ Приказ комиссара Временного правительства над бывшим министерством двора и уделов // Вестник Временного правительства. 1917. 21 апреля.

¹⁷ Дворцы поступили в ведение бывшего Кабинета его величества, к которому дополнительно прикомандировали трёх чиновников из Главного управления уделов: РГИА, ф. 468, оп. 30, д. 913, л. 3–11.

¹⁸ Журналы заседаний Временного правительства... С. 289.

¹⁹ РГИА, ф. 472, оп. 60, д. 2344, л. 40.

²⁰ Журналы заседаний Временного правительства... С. 256, 340.

Первоначально Комиссариат рассматривался всеми как недолговечное, переходное образование. Сам Головин говорил 11 марта начальникам структурных подразделений МиДв: «Так как министерство обладает громадным имуществом, составляющим теперь достояние всего русского народа – необходимо его сберечь и сдать в полном порядке и сохранности туда, куда прикажет будущее правительство, причём, может быть, часть отойдёт в другие министерства, а может быть, будет образовано особое Министерство изящных искусств»²¹. 28 марта на совещании в Зимнем дворце те же лица вместе с Головиным «обсуждали общие вопросы и решали, какие установления министерства могут быть переведены в другие ведомства в предположении, что оставшиеся образуют ядро для будущего Министерства изящных искусств»²². Наконец, 30 марта, выступая перед театральными деятелями, Головин высказался ещё более категорично: «Это министерство находится в таком положении, когда от него, как от ветхой шелухи, отпадают все наросшие на него исторические наслоения... Бывшее Министерство двора должно быть раскассировано по различным министерствам, ныне существующим»²³. Подобная решительность отчасти объяснялась тем, что в конце марта Головин рассчитывал на пост комиссара Временного правительства на Кавказе. Когда же, по независящим от него причинам²⁴, это назначение не состоялось, он, начиная с апреля, в большей степени стал связывать свою судьбу с Комиссариатом.

Впрочем, Головин не случайно говорил об «отпадении исторических наслоений»: не только Главное управление уделов, но и некоторые учреждения собственно МИДв были изъяты из ведения Комиссариата. 27 марта правительство передало все капиталы Кабинета его величества Министерству финансов, а земли – министерствам земледелия и торговли и промышленности, временно, до разделения между ведомствами, предоставив заведование данными имуществами соответствующим кабинетским органам (Земельно-заводскому отделу и управлениям Алтайского и Нерчинского округов), которые должны были подчиняться, «по принадлежности», указаниям обоих министров²⁵. 14 апреля к Министерству земледелия отошла Императорская охота²⁶. 6 июня Министерство продовольствия получило в своё распоряжение Аничков дворец и обеспечивавшее его управление вместе со всеми служащими во главе с генерал-майором П.А. Ереховичем²⁷.

8 апреля, в соответствии с представлением Головина от 30 марта, Временное правительство признало «подлежащим упразднению» Управление дворцового коменданта (однако приведение в порядок его дел растянулось до 11 июля)²⁸. 24 апреля, также по инициативе комиссара, прекратил существование Совет

²¹ Эти слова привёл в дневнике присутствовавший на встрече директор театров В.А. Теляковский: Архивно-рукописный отдел Государственного центрального театрального музея им. А.А. Бахрушина, ф. 280, № 1325, л. 58 об.

²² Там же, л. 82.

²³ Отдел рукописей и документов Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства, ф. 66, ГИК 20848, л. 3.

²⁴ *Бенуа А.Н.* Дневник. 1916–1918. М., 2010. С. 237–246.

²⁵ Журналы заседаний Временного правительства... С. 180–181. Хозяйственного отдела Кабинета это постановление практически не коснулось: РГИА, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 3а, л. 250.

²⁶ Журналы заседаний Временного правительства... С. 289.

²⁷ РГИА, ф. 474, оп. 1, д. 427, л. 13 об.; д. 429, л. 9 об.

²⁸ Там же, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 4, л. 2–3 об., 5–7, 10; Журналы заседаний Временного правительства... С. 256; *Любарская Т.Г.* Министерство императорского двора и его учреждения // Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 3. С. 186.

при министре двора²⁹. Весной 1917 г. ходили не подтвердившиеся затем слухи о грядущем расформировании Капитула орденов³⁰, а также Собственных его величества библиотек³¹, которым, впрочем, удалось пережить 1917 г. С 1 августа по решению, принятому правительством 26 июля, Контроль бывшего МИДв включался в состав Государственного контроля; вскоре возникла «Временная комиссия по ликвидации контролей» бывшего МИДв во главе с Д.П. Богдановым, но в ноябре её деятельность фактически прекратилась, и 18 декабря на общем собрании служащие контроля постановили продолжать работу «совместно с другими центральными установлениями б[ывшего] Министерства двора»³². 30 сентября 1917 г. Временное правительство упразднило Павловское городское правление³³. Однако большинство учреждений бывшего МИДв оставались в течение всего 1917 г. в ведении Комиссариата.

Между тем и в обществе, и в государственных структурах составлялись многочисленные проекты раздела наследства придворного ведомства. 4 марта в ходе совещания деятелей искусства на квартире М. Горького была образована «Комиссия по делам искусства», или «Комиссия Горького». 13 марта её переименовали в Особое совещание по делам искусства при комиссаре Временного правительства над бывшим МИДв. При этом Горький сохранил пост председателя, а его товарищем и одним из наиболее активных сотрудников стал А.Н. Бенуа. И Горького, и Бенуа в газетах прочили в будущие министры изящных искусств. Однако уже 20 апреля Особое совещание объявило о своём роспуске — сказались конфликты Бенуа с Головиным и Макаровым, нежелание Горького «состоять на службе» Временного правительства, а также протесты целого ряда художественных организаций против планов образования Министерства искусств. Затем при Головине был созван «Совет по делам искусств» (во многом с теми же участниками), существовавший вплоть до прихода к власти большевиков³⁴.

Наибольшей интенсивности учредительная работа деятелей искусства достигла в марте—апреле, в период существования Особого совещания, сформировавшего из своих членов восемь комиссий, одна из которых называлась «законодательной». В её состав вошли представители художественного мира (А.Н. Бенуа, Ф.Ф. Нотгафт, Н.К. Рерих, А.И. Таманов, А.Н. Тихонов, И.А. Фомин), политические деятели (С.В. Завадский, В.Д. Набоков, П.А. Неклюдов, барон Б.Э. Нольде, Н.Д. Соколов), а также Горький и Макаров³⁵. Эта комиссия, согласно сохранившемуся «Проекту Положения о временных комиссиях при Особом совещании, образованном ведающим делами бывшего Министерства

²⁹ Журналы заседаний Временного правительства... С. 347.

³⁰ Упразднение капитула орденов // Новое время. 1917. 11 марта. 18 августа Ф.А. Головин сообщил А.Ф. Керенскому, что Капитул «не предполагается к ликвидации» (РГИА, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 2, л. 324).

³¹ Об этих слухах 10 апреля писал Головину директор Эрмитажа гр. Д.И. Толстой, желавший, в том случае, если они подтвердятся, принять участие «в разборе хранящихся в библиотеке б[ывшего] императора книг и других предметов с целью выбора того, что могло бы быть передано в Эрмитаж». Головин дал на это своё согласие (ГА РФ, ф. 1907, оп. 1, д. 3, л. 9–9 об., 11).

³² РГИА, ф. 482, оп. 10, д. 1336, л. 1, 12–15; ф. 1276, оп. 14, д. 71, л. 2; ЦГАЛИ СПб, ф. 29, оп. 1, д. 3, л. 1–1 об.

³³ Об упразднении должности управляющего городом Павловском и Павловского городского правления // Вестник Временного правительства. 1917. 20 октября.

³⁴ Бенуа А.Н. Дневник. 1916–1918. С. 124–165, 197–279; Лапшин В.П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983. С. 74, 90–93, 149, 152.

³⁵ РГИА, ф. 472, оп. 60, д. 2345, л. 18.

императорского двора», должна была составить «законопроект о будущем ведомстве изящных искусств, имеющем включить в себя как все установления художественного порядка, находившиеся в ведении бывшего Министерства двора, так и те установления художественного порядка, которые находятся в ведении других министерств (кроме того, комиссия законопроекта имеет создать проекты новых художественных установлений, вызываемых жизненными потребностями государства)»³⁶.

Вскоре после вступления Головина в должность комиссара началась волна увольнений высших чиновников ведомства. Хотя в подавляющем большинстве случаев они покидали службу «по прошению», на самом деле отставки были «добровольно-принудительными». Тем, кто не спешил с подачей прошения, Головин напоминал, что «ввиду предстоящего полного реформирования бывшего Министерства двора, лица, служившие по сему министерству, подлежат увольнению от занимаемых ими должностей». «Принимая во внимание, — уведомлял комиссар, — что большинство подобных лиц уже обратились ко мне с ходатайствами об увольнении их от службы, считаю долгом, предварительно дальнейших распоряжений, об изложенном сообщить Вам, дабы Вы могли также своевременно подать прошение об увольнении Вас в отставку»³⁷. Такие письма 18 мая получили состоявший при императрице Александре Фёдоровне гр. П.Н. Апраксин, чиновник для особых поручений при министре двора С.А. Обухов, управляющий Московской конторой государственных театров С.Т. Обухов, чуть позже — 10 июня — обер-гофмаршал гр. П.К. Бенкендорф.

20 марта Временным правительством были уволены помощник министра двора гр. М.Е. Нирод и заведующий Придворной конюшенной частью А.А. фон Гринвальд, 24 марта — начальник Придворного оркестра барон К.К. Штакельберг и обер-церемониймейстер барон П.П. Корф, 28 марта — бывший министр двора гр. В.Б. Фредерикс³⁸ и начальник Императорской охоты кн. Д.Б. Голицын, 29 марта — управляющий делами Капитула орденов К.М. Злобин и член Совета при министре двора В.С. Кривенко, 11, 17 и 30 апреля соответственно — члены Совета при министре двора В.П. Погожев, С.Е. Смельский и Б.К. Ордин, 26 апреля — управляющий Кабинетом его величества Е.Н. Волков, 29 апреля — инспектор Придворной медицинской части Н.А. Вельяминов, 6 мая — директор государственных театров В.А. Теляковский, 8 мая — начальник Канцелярии МИДв А.А. Мосолов, 10 мая — начальник Придворной певческой капеллы гр. А.Д. Шереметев, 15 мая — чиновник особых поручений IV класса при министре двора А.Г. фон Кнорринг, 18 мая — состоявший при бывшем министре двора Д.Н. Ломан, 20 мая — член Совета при министре двора Г.А. Федосеев, 5 июня — начальник Царскосельского дворцового управления кн. М.С. Путятин, 20 июня — состоявший при бывшей императрице Александре Фёдоровне гр. П.Н. Апраксин, 6 июля — состоявший при бывшем министре двора Н.И. Непорожнев, 8 июля — начальник Петергофского дворцового управления М.А. Лермонтов, 29 июля — начальник Гатчинского дворцового управления Н.Н. Крестьянов и член Совета при министре двора

³⁶ Там же, л. 3.

³⁷ Там же, оп. 58 (15 доп.), д. 2, л. 273; д. 14, л. 171; ГА РФ, ф. 553, оп. 1, д. 38, л. 1—1 об.; РГАЛИ, ф. 878, оп. 2, д. 44, л. 9.

³⁸ Пример революционной путаницы: увольняя Фредерикса 28 марта без каких-либо оговорок, правительство тем самым подтверждало, что до этого указа он оставался министром императорского двора.

В.Е. Андро-де-Бюи-Гинглятт, 26 августа – обер-гофмаршал, заведующий Гофмаршальской частью гр. П.К. Бенкендорф. Заведующий Контролем МИДв В.С. Фёдоров с 1 августа был оставлен за штатом, «за упразднением означенной должности»³⁹. 30 сентября по той же причине лишился своего поста управляющий городом Павловском инженер путей сообщения С.Н. Смирнов⁴⁰. Одновременно «кадровая чистка» коснулась служащих великокняжеских дворов, также числившихся по ведомству МИДв⁴¹.

Большинство увольняемых чиновников подавали прошения «по болезни». При этом практически никто не пытался предъявить документы, подтверждавшие заболевание (впрочем, новая власть их и не требовала). Исключений было немного, например, Смельский, которому шёл 80-й год, передал в Канцелярию МИДв два медицинских свидетельства⁴². По-видимому, всем, уходившим в отставку, предстояло пройти врачебные комиссии, заседавшие весной 1917 г. еженедельно (ранее они собирались один раз в месяц или ещё реже). Помощник инспектора бывшей Придворной медицинской части Н.А. Андреев-Твердов даже обратился 13 апреля к Головину с просьбой о вознаграждении врачам (по 10 руб. на всех членов комиссии за каждого осмотренного и по рублю за медицинский акт работникам канцелярии дворцового госпиталя). Комиссар счёл данное ходатайство вполне обоснованным⁴³.

Далеко не все служащие бывшего МИДв легко соглашались отойти от дел. Так, 29 марта Головин сообщал кн. Львову, что Кривенко, некогда руководивший канцелярией гр. И.И. Воронцова-Дашкова, когда тот возглавлял МИДв, «просит меня довести до сведения Временного правительства о его горячем желании послужить Отечеству при обновлённом строе и что, несмотря на некоторые свои физические недочёты, он полон готовности по мере своих сил, знаний и опыта исполнять поручения Временного правительства даже находясь в отставке»⁴⁴. Вероятно, ценя такое выражение лояльности, Головин разрешил Кривенко временно остаться в казённой квартире⁴⁵. 30 марта, посылая кн. Львову прошение об отставке, Мосолов писал: «Было бы печальным для меня недоразумением, если бы настоящая моя просьба была истолкована либо как демонстрация против обновлённого строя и Временного правительства, либо как отказ от работы, от службы государству, притом в такую тяжкую годину, когда все верные его сыны обязаны приложить свои силы к внутреннему устройству отечества или к защите его неприкосновенности перед грозным его внешним врагом... Я не желаю лишь номинально “числиться” по тому или иному ведомству, не принося пользы делу. Но, чувствуя себя физически совершенно здоровым и бодрым, проникнутый сознанием важности переживаемого нашею великою Россиею исторического момента и горячею любовью послужить её дальнейшему процветанию, считаю себя нравственно обязанным предложить с полною готовностью свои услуги Временному правительству, в надежде, что мой свыше 40-летний опыт, приобретённый на различных

³⁹ Указы Временного правительства // Вестник Временного правительства. 1917. 7, 9, 18, 29 апреля, 5, 16, 21, 26, 30 мая, 2, 15, 28 июня, 20 июля, 3, 8 августа, 7 октября.

⁴⁰ РГИА, ф. 493, оп. 5, д. 327, л. 1 об., 50 об.

⁴¹ Там же, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 3а, л. 170–190, 323–325, 420–429, 555–565, 569–574, 593–599, 638–656, 717–718, 780–784, 910–920.

⁴² Там же, д. 2, л. 182–184.

⁴³ Там же, д. 3а, л. 193, 393.

⁴⁴ Там же, д. 2, л. 77.

⁴⁵ Там же, л. 78.

поприщах государственной службы, помог бы мне, наравне с другими, внести и свою посильную лепту в ту громадную общую работу, которая в настоящее время повелительно требует трудоспособных людей, как на фронте, так и в глухом тылу»⁴⁶.

Начальник Гатчинского дворцового управления генерал-майор Н.Н. Крестьянов ещё 2 марта сдал свои полномочия полковнику А.К. фон Рейеру, а 14 апреля отправил Головину прошение о предоставлении ему перед отставкой шестинедельного отпуска, на что комиссар дал согласие⁴⁷. По истечении срока отпуска на службу он так и не явился и 17 июня Рейер отправил в Канцелярию бывшего МИДв донесение, спрашивая о целесообразности дальнейшего производства содержания генералу, отсутствовавшему на службе более четырёх месяцев, сказавшись больным⁴⁸. В ходе завязавшейся по этому поводу переписки Головин поддержал Крестьянова, уволив его 29 июля с мундиром и пенсией⁴⁹.

Однако когда 28 мая с аналогичной просьбой о двухмесячном отпуске перед увольнением к Головину обратился гр. Апраксин, его ждал отказ⁵⁰. Видимо, тут сказалась неприязнь либерала Головина к одному из старейших членов Русского собрания. Ещё резче произвол комиссара по отношению к его новым подчинённым проявился при увольнении В.Н. Воейкова, который считался другом А.А. Вырубовой и Г.Е. Распутина и по слухам, распространившимся в печати в марте 1917 г., советовал Николаю II «открыть Минский фронт» для подавления революции⁵¹. 20 апреля Головин обратился к министру юстиции Керенскому со служебным письмом деликатного содержания: «Отношением от 17-го апреля за № 44 мною сообщено военному министру, что с моей стороны не встречается препятствий к откомандированию в его распоряжение состоявших на службе или числившихся по Управлению б[ывшего] дворцового коменданта военных чинов, кроме дворцового коменданта, генерал-майора Воейкова, который до сих продолжает числиться в своей должности. Полагая необходимым незамедлительно устранить названное лицо от занимаемой им должности, прошу Вас, предварительно возбуждения мною в этом смысле вопроса пред Временным правительством, не отказать в сообщении Вашего по сему предмету отзыва»⁵². 30 апреля последовал лаконичный ответ Керенского: «Вследствие письма от 20-го сего апреля за № 62 уведомляю Вас, что я считал, что генерал Воейков уже давно отставлен»⁵³.

Тогда 12 мая комиссар обратился уже к главе правительства. «С момента отречения бывшего императора от престола деятельность Управления дворцового коменданта почитается оконченной, — писал он. — В виду сего мною был представлен 30 марта сего года за № 153 доклад Временному правительству по делу об упразднении названного Управления. Вместе с сим я признавал бы соответственным уволить начальника сего установления — дворцового коменданта, генерал-майора Воейкова от занимаемой им должности. При этом,

⁴⁶ ГА РФ, ф. 1778, оп. 1, д. 300, л. 49 об.—50.

⁴⁷ РГИА, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 2, л. 113.

⁴⁸ Там же, л. 123—124.

⁴⁹ Там же, л. 119.

⁵⁰ Там же, л. 274.

⁵¹ *Азов В.* Корона и Кувака // Русская воля (вечерний выпуск). 1917. 7 марта; *Воейков В.Н.* С царём и без царя. М., 1995. С. 216.

⁵² РГИА, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 2, л. 258—258 об.

⁵³ Там же, л. 258 об.

по мнению моему, представлялось бы желательным считать таковое увольнение со 2-го марта, т.е. со дня отречения бывшего императора от престола»⁵⁴. Одновременно Головин послал проект указа, в соответствии с которым Временное правительство 15 мая и отправило Воейкова в отставку «со 2-го марта 1917 г.» — без всякого «собственного прошения», в отличие от других чиновников⁵⁵. С его непосредственным начальником, министром двора гр. Фредериксом, обошлись снисходительнее — он был уволен 28 марта «согласно прошению..., с мундиром и пенсиею» (правда, переписка о её назначении растянулась до Октябрьской революции)⁵⁶. 18 мая комиссар приказал уволить другого близкого к царской семье служащего — полковника Д.Н. Ломана «теперь же от занимаемой должности, не ожидая увольнения его от службы»⁵⁷. Между тем в большинстве случаев подобные распоряжения в 1917 г. старались синхронизировать, а начальник придворного оркестра генерал-лейтенант К.К. Штакельберг, благодаря поддержке Головина, даже получил при отставке чин генерала от кавалерии⁵⁸.

Вынуждены были покинуть свои посты члены Императорской фамилии — вел. кн. Мария Павловна (Старшая), являвшаяся президентом Академии художеств, и вел. кн. Георгий Михайлович, управлявший Русским музеем со времени его основания. Великая княгиня, которую печать обвиняла в симпатиях к немцам и пренебрежительном отношении к русскому искусству и его деятелям⁵⁹, была отстранена от должности Временным правительством 12 марта⁶⁰. 14 марта она писала из Кисловодска секретарю Академии художеств В.П. Лобойкову: «В ответ на Ваше письмо прошу Вас объявить Академии Художеств, что я слагаю с себя звание президента этого учреждения и поручаю Вам передать всему составу Академии за восьмилетнее сотрудничество мою сердечную благодарность»⁶¹. Вел. кн. Георгий Михайлович 24 августа 1917 г. сообщал директору Эрмитажа (и своему помощнику в Русском музее) гр. Д.И. Толстому: «Просил я пустить меня на фронт, но в этом мне было отказано; тогда я подал в отставку, которая вышла 31 марта, но никогда не была опубликована, и только в мае я узнал, что приказ состоялся 31 марта»⁶².

Уволенных замещали либо чиновники «второго эшелона» (как правило, помощники прежних руководителей), либо близкие к Головину и его окружению люди, либо профессионалы, пользовавшиеся определённым авторитетом в тех учреждениях, которые им предлагалось возглавить на правах «уполномоченных» комиссара над бывшим МИДв. Так, начальником Канцелярии МИДв 15 сентября стал кн. С.В. Гагарин, до революции являвшийся помощником Мосолова⁶³. Заведующему Хозяйственным отделом Кабинета его величества

⁵⁴ Там же, л. 259.

⁵⁵ Там же, л. 261; Указы Временного правительства, данные Правительствующему Сенату // Вестник Временного правительства. 1917. 2 июня.

⁵⁶ РГИА, ф. 472, оп. 66, д. 599, л. 1–14.

⁵⁷ Там же, оп. 58 (15 доп.), д. 1, л. 65. Как и многие военные, служившие в МИДв, он, занимая придворную должность, числился состоящим по Главному штабу.

⁵⁸ Там же, д. 2, л. 55–68.

⁵⁹ *Кравченко Н.* Освобождённая Академия художеств // Новое время. 1917. 17 марта; Мария Павловна и поклоны // Петроградская газета. 1917. 11 апреля.

⁶⁰ Журналы заседаний Временного правительства... С. 82.

⁶¹ РГИА, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 2, л. 154.

⁶² Там же, ф. 696, оп. 1, д. 210, л. 12–12 об.

⁶³ *Григорьев С.И.* Придворная цензура и образ Верховной власти (1831–1917). СПб., 2007. С. 344.

Н.Э. Рюдману 12 мая было поручено «разрешать дела за управляющего бывшим Кабинетом его величества и подписывать бумаги по делам бывшего Кабинета его величества»⁶⁴, помощник инспектора Придворной медицинской части Н.А. Андреев-Твердов с 5 мая исправлял должность инспектора⁶⁵. В середине марта в Придворный оркестр и Придворную певческую капеллу комиссаром был направлен депутат Думы М.Д. Калугин⁶⁶, но уже 22 июня начальником Государственного (бывшего Придворного) оркестра стал знаменитый дирижёр С.А. Кусевицкий⁶⁷.

«Уполномоченными» по бывшей Придворной конюшенной части состояли депутат Государственной думы В.И. Дзюбинский (с 30 марта по 15 мая) и Е.А. Френкель (с 1 мая)⁶⁸; по Капитулу орденов и ликвидируемому Управлению дворцового коменданта — делопроизводитель Канцелярии Государственной думы Б.А. Калачёв (во II Думе он исполнял обязанности секретаря при председателе)⁶⁹, по Петергофскому дворцовому управлению — архитектор А.К. Миняев, по Царскосельскому дворцовому управлению — барон Б.Л. Штейнгель⁷⁰, по делам Академии художеств — архитектор А.И. Таманов (с 29 апреля), по делам Русского музея — М.В. Челноков (с 27 мая); по Гатчинскому дворцовому управлению — знакомый Макарова по Институту и Обществу гражданских инженеров А.Г. Голубков (с 21 июля)⁷¹. 29 апреля (а фактически — ещё 22 апреля) главноуполномоченным комиссара Временного правительства над

⁶⁴ РГИА, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 3а, л. 251.

⁶⁵ Там же, ф. 479, оп. 6, д. 1280, л. 19 об.—20.

⁶⁶ Там же, ф. 500, оп. 1, д. 822, л. 48–50; *Бенуа А.Н.* Дневник. 1916–1918. М., 2010. С. 217; *Николаев А.Б.* Калугин Михаил Дмитриевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 230.

⁶⁷ РГИА, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 1, л. 89.

⁶⁸ Там же, ф. 477, оп. 11, д. 680, л. 4–5, 10–11. Приказ о назначении Френкеля был издан 31 мая.

⁶⁹ 24 марта Головин сообщил секретарю Думы И.И. Дмитрюкову о намерении возложить на Калачёва «обязанности уполномоченного по заведыванию делами Капитула орденов, а также по ликвидации Управления бывшего дворцового коменданта». 23 августа указом Временного правительства Калачёв был назначен управляющим делами Капитула орденов. Перед этим, 31 июля, Головин поручил ему ознакомиться с «порядком производства ликвидации» канцелярий императриц Александровны Феодоровны и Марии Феодоровны, а также с имеющимися в них материалами (РГИА, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 2, л. 321–331; д. 3а, л. 791; ф. 1278, оп. 9, д. 1054, л. 59–61, 66 об.—68; Указ Временного правительства // Вестник Временного правительства. 1917. 2 сентября).

⁷⁰ Приказ комиссара Временного правительства над бывшим министерством двора и уделов // Вестник Временного правительства. 1917. 18 апреля. Б.Л. Штейнгель — масон и двоюродный брат известного масона Ф.Р. Штейнгеля, прекрасно знакомого «братьям» Головину и Макарову (*Серков А.И.* Русское масонство 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 256–257, 509, 907–908; *Головин П.А.* Бароны фон Штейнгель в истории России // Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 8. СПб., 2014. С. 306, 308). 17 марта А.Н. Бенуа записал в дневнике: «Удивительно показательным является назначение Макаровым какого-то барончика Штенгеля, не имеющего никакого касательства к искусству, в уполномоченные по Царскосельским дворцам, и как с нами сначала не посоветоваться?» (*Бенуа А.Н.* Дневник. 1916–1918. С. 205). Деятельность Штейнгеля началась ещё в марте, хотя, как и Калачёв и Миняев, впервые он был официально назван уполномоченным лишь в приказе, подписанном Головиным 17 апреля.

⁷¹ РГИА, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 3а, л. 822а; Сведения о деятельности Правления за март–сентябрь 1906 года // Известия Общества гражданских инженеров. 1906. № 6–10. С. 116; Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века: Справочник / Под общ. ред. Б.М. Кирикова. СПб., 1996. С. 104; Приказы комиссара Временного правительства над бывшим министерством двора // Вестник Временного правительства. 1917. 3 мая, 30 мая, 6 августа.

бывшим МИДв по государственным театрам был назначен известный филолог и театральный критик Ф.Д. Батюшков⁷². Кроме того, 24 апреля специальные «уполномоченные» комиссара появились при московских Большом (Л.В. Собинов) и Малом (А.И. Сумбатов-Южин) театрах⁷³, требовавших «автономии» и лишь отчасти подчинившихся Батюшкову. 25 апреля Головин сделал товарища председателя Ялтинского Исполнительного общественного комитета В.В. Келлера уполномоченным по управлению Ливадийскими дворцами. Наконец, обязанности уполномоченного комиссара по заведованию делами Александровского дворца в Царском Селе, где содержалась под арестом императорская семья, 19 июля были возложены на коменданта этого дворца полковника Е.С. Кобылинского⁷⁴.

В то же время целый ряд руководителей учреждений, входивших ранее в состав МИДв, сохранили свои посты при Временном правительстве. К примеру, директора Эрмитажа гр. Толстого уволили лишь 1 сентября 1918 г.⁷⁵ Продолжали работать на занимаемых ранее должностях начальники дворцовых управлений: Петроградского – В.А. Комаров⁷⁶, Московского – кн. Н.Н. Одоевский-Маслов⁷⁷, Варшавского – К.М. Каменев⁷⁸; заведующие канцеляриями бывших императриц Александры Феодоровны и Марии Феодоровны гр. Я.Н. Ростовцов и А.А. Куломзин⁷⁹, заведующий придворным духовенством протопресвитер А.А. Дернов⁸⁰. Председатель Императорской Археологической комиссии граф А.А. Бобринский возглавлял её вплоть до июля 1918 г., когда, опасаясь репрессий, вынужден был эмигрировать во Францию⁸¹. М.Г. Ильин заведовал Кассой бывшего МИДв до её упразднения 20 сентября 1918 г.⁸² Заведующий Общим архивом МИДв К.Я. Грот продолжал руководить им и после того, как 1 июня 1918 г. подчинённое ему учреждение преобразовали во 2-е отделение I секции Единого государственного архивного фонда⁸³. С середины апреля 1917 г. по просьбе тяжело болевшего с ноября 1916 г. В.В. Щеглова

⁷² Гордеев П.Н. Смена руководства в государственных театрах после Февральской революции // Герценовские чтения 2011. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2012. С. 149–150.

⁷³ РГАЛИ, ф. 659, оп. 4, д. 700, л. 12; оп. 6, д. 146, л. 10; ф. 864, оп. 1, д. 1031, л. 26 об. С 31 марта они считались комиссарами этих театров.

⁷⁴ Приказы комиссара Временного правительства над бывшим министерством двора // Вестник Временного правительства. 1917. 29 апреля, 22 июля.

⁷⁵ РГИА, ф. 483, оп. 6/2863, д. 89, л. 64 об. Приказ по Отделу имуществ Республики Наркомпроса последовал 15 ноября 1918 г.

⁷⁶ Уволен приказом по Народному комиссариату имуществ Республики (далее – НКИР) 31 января 1918 г. (Там же, ф. 475, оп. 2, д. 216, л. 48).

⁷⁷ Уволен с 1 февраля 1918 г. приказом по Управлению московскими дворцами от 6 июня 1918 г. (ГА РФ, ф. Р-1056, оп. 1, д. 11, л. 18).

⁷⁸ Уволен с 1 января 1918 г. приказом по НКИР от 26 апреля 1918 г. (Там же, ф. 1261, оп. 1, д. 9, л. 313).

⁷⁹ Оба уволены приказами по НКИР 22 марта 1918 г. (РГИА, ф. 525, оп. 3, д. 539, л. 115–116 об.).

⁸⁰ Уволен с 29 марта 1918 г. приказом по НКИР от 23 апреля (Там же, ф. 483, оп. 6/2863, д. 89, л. 31).

⁸¹ Императорская Археологическая комиссия. (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Под ред. Г.В. Длужневской, А.Е. Мусина, Е.Н. Носова, И.Л. Тихонова. СПб., 2009. С. 1067–1080.

⁸² РГИА, ф. 483, оп. 1 (вн. оп. 2/2285), д. 28, л. 307–307 об.

⁸³ Китлова Е.А. История Общего архива Министерства Императорского Двора: 1869–1918 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 20; Копылова О.Н., Хорхордина Т.И. «Спасены архивные дела, фактически спасены от гибели». Из протоколов руководящих органов управления архивным делом в 1918–1928 гг. (1918–1919 гг.) // Отечественные архивы. 2010. № 4. С. 85, 90.

обязанности заведующего Собственными его величества библиотеками временно исполнял его помощник В.В. Гельмерсен. Только 1 августа 1918 г. приказом по НКИР он был назначен (с 1 июня 1918 г.) «заведывающим библиотеками Комиссариата» вместо скончавшегося ещё 1 июня 1917 г. Щеглова⁸⁴.

Острой проблемой для служащих Комиссариата стало вселение различных учреждений в помещения бывшего придворного ведомства. К лету 1917 г. в домах, принадлежавших бывшему МИДв в Петрограде, расположились Георгиевский комитет (набережная Мойки, 18), Убежище пострадавших воинов (Захарьевская, 17) и Комиссия по расследованию германских зверств (часть особняка Канцелярии МИДв на набережной Фонтанки, 20). Кроме того, верхний этаж здания Капитула орденов (Гагаринская, 6) был занят под общежитие солдат-делегатов с фронта⁸⁵. Претендовали на площади бывшего МИДв и органы городского самоуправления Петрограда, и М.В. Родзянко, желавший получить дома 52 и 54 на Шпалерной улице «в ведение Государственной думы»⁸⁶. Летом Временное правительство распорядилось отдать Министерству продовольствия Аничков дворец (там размещались тогда Кабинет его величества и квартиры 49 чиновников, в основном – гофмаршальской и придворной конюшенной частей, а также Канцелярии императрицы Марии Феодоровны) и произвести отчуждение для нужд Учредительного собрания домов 52 и 54 по Шпалерной улице, где проживали 24 семьи представителей придворного духовенства и находились 33 квартиры служащих Петроградского дворцового управления и Эрмитажа, положение которых стало критическим⁸⁷.

19 августа Головин созвал «Особое Совещание по вопросу о распределении помещений в зданиях, подведомственных б[ывшему] Министерству двора». В нём приняли участие начальник Петроградского дворцового управления В.А. Комаров, заведующий зданиями и служительскими командами Аничкова дворца И.Н. Анненков⁸⁸, временно исполняющий обязанности управляющего Кабинетом Н.Э. Рюдман, заведующий хозяйством Гофмаршальской части М.М. Аничков, начальник Управления Аничковым дворцом П.А. Ерехович, директор Эрмитажа гр. Д.И. Толстой, уполномоченный по Придворной конюшенной части Е.А. Френкель и представитель придворного духовенства протоиерей А.М. Белавин. Они признали необходимым расселить служащих, проживавших в Аничковом дворце, на дачах Петроградского дворцового управления, предоставить чинам дворцовой полиции арендованную ещё в 1916 г. квартиру по памятному адресу Мойка, 12, просить правительство не отчуждать дом 54 на Шпалерной, отказать Управлению военно-воздушного флота в ранее обещанном Головиным вселении в одно из зданий придворного ведомства (Миллионная, 11). Также совещание приняло резолюцию: «1) предоставить д. № 12 по Мойке для квартир служащих в Канцелярии б[ывшей] Императрицы Марии Феодоровны; 2) просить г. комиссара над б[ывшим] Министерством двора сделать распоряжение начальнику Петроградского дворцового управления о выселении, всеми имеющимися в распоряжении б[ывшего] Министерства двора законными

⁸⁴ РГИА, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 3а, л. 247–248, 635–637; ф. 483, оп. 6/2863, л. 89, л. 57.

⁸⁵ ГА РФ, ф. 1907, оп. 1, д. 4, л. 10; д. 10, л. 1.

⁸⁶ РГИА, ф. 1278, оп. 10, д. 9, л. 121–121 об., 288–289 об.; О дворцовых помещениях // Новое время. 1917. 17 марта.

⁸⁷ ГА РФ, ф. 1907, оп. 1, д. 3, л. 60; д. 4, л. 1–3.

⁸⁸ С 30 июня по 12 августа Анненков заменял бывшего в отпуске Комарова, а с 6 июля по 17 августа также временно исполнял должность коменданта Зимнего дворца (РГИА, ф. 474, оп. 1, д. 427, л. 12 об.).

мерами (вплоть до судебных) всех военных и частных организаций, занимающих ныне помещения б[ывшего] Министерства двора; 3) освобождённые таким образом квартиры предоставить для нужд б[ывшего] придворного духовенства, выселяемого из д. № 52 по Шпалерной улице, приспособив предварительно эти квартиры соответственно его требованиям и руководствуясь, при предоставлении этих квартир духовенству, прежде всего количеством семьи выселяемого лица»⁸⁹. Накануне, 18 августа, Ф.А. Головин письменно просил Н.С. Чхеидзе «оказать содействие» переводу общежития солдат-делегатов фронта «из здания Капитула орденов в какое-либо иное помещение»⁹⁰.

Головину был присущ определённый консерватизм в административных делах. Тем не менее в начале своей деятельности в Комиссариате он провёл, отчасти по инициативе своих подчинённых, ряд необходимых в условиях революции изменений. Так, 15 марта приказом № 5, по предложению Ереховича, Управление Собственным его императорского величества дворцом было переименовано в Управление Аничковым дворцом⁹¹. 11 и 18 марта «охранные унтер-офицерские команды» бывших императорских дворцов превращались приказами № 3 и № 6 в команды их сторожей⁹². С 27 марта приказом № 10 полицеймейстеры дворцов и дворцовых управлений получали статус «заведывающих зданиями и служительскими командами дворцов или дворцовых управлений, с сохранением всех прежних служебных прав и обязанностей, а также положенного по штату содержания»⁹³. 6 апреля Головин переименовал Придворный оркестр в Государственный (приказ № 12), 31 мая лакеев — в комнатных слуг (приказ № 35)⁹⁴. Любопытно, что эти указы, в отличие от многих других, не публиковались в «Вестнике Временного правительства» — вероятно, привлекать общественное внимание к мимикрии бывшего придворного ведомства считалось излишним.

Нежелание Головина заниматься революционным правотворчеством и его верность букве закона проявились в реакции комиссара на прошение, поданное 12 марта известным художником Л.О. Пастернаком (отцом знаменитого поэта), который с 1894 г. служил преподавателем в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, но, будучи иудейского вероисповедания, не имел права поступать на государственную службу и соответственно не мог претендовать на пенсию, поскольку числился работающим по вольному найму. Ссылаясь на отмену конфессиональных ограничений, Пастернак ходатайствовал о зачислении его на службу с момента фактического её начала, т.е. с 1894 г. В Канцелярии бывшего МИДв составили по этому поводу две справки: в первой указывалось, что соответствующий закон правительством ещё не принят, а во второй, подготовленной уже после публикации 22 марта постановления «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», допускалась возможность удовлетворить желание Пастернака «при наличии в названном Училище свободной преподавательской вакансии», однако и в этом случае определение его на службу «могло бы состояться лишь со дня распубликования упомянутого закона об отмене сословных и иных ограничений» (слова, выделенные курсивом,

⁸⁹ ГА РФ, ф. 1907, оп. 1, д. 2, л. 79–80 об.; д. 4, л. 8–10, 12.

⁹⁰ Там же, д. 10, л. 1–1 об.

⁹¹ РГИА, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 1, л. 14; д. 3а, л. 6.

⁹² Там же, д. 1, л. 4, 16.

⁹³ Там же, л. 21.

⁹⁴ Там же, л. 24, 74.

в тексте подчеркнуты. — *П.Г.*)⁹⁵. 6 апреля приказом Головина художник был назначен преподавателем училища с 22 марта 1917 г.⁹⁶

Подобный ответ не устроил ни Пастернака, ни его коллег по училищу. Однако, несмотря на четыре (!) обращения к Головину администрации училища (29 марта, 19 апреля, 27 мая, 9 июня⁹⁷), поддержанной 12 июня Советом Московского художественного общества⁹⁸, и два письма, отправленных 22 апреля и 16 июня самим Пастернаком, выразившим «всю горечь обиды, верю невольной, а также недоумения» и призывавшим «не отказать в акте справедливости»⁹⁹, комиссар своей позиции не изменил. 14 июля Канцелярия бывшего МИДв, отвечая художнику и его московским коллегам, с сожалением констатировала отсутствие возможности «удовлетворить означенное ходатайство, так как закон об отмене сословных и вероисповедных ограничений обратной силы не имеет», а комиссар «не признал возможным со своей стороны возбудить перед Временным правительством ходатайство о допущении для Л.О. Пастернака единичного изъятия из существующих законоположений»¹⁰⁰.

Общественный вес Головина, неформальное знакомство Макарова с Керенским, масонские связи руководителей Комиссариата, а также размещение его резиденции в Зимнем дворце обеспечивали известную степень политического влияния. Уже в эмиграции Макаров вспоминал, что ему «каждый день приходилось говорить и спорить о судьбах России» с Головиным и у обоих даже «выработалась привычка записывать наши предположения о будущих событиях»¹⁰¹. 27 августа, во время корниловского выступления, посовещавшись в Зимнем дворце с В.В. Вырубовым, Ф.Ф. Кокошкиным и П.П. Юреневым, Головин и Макаров решили вдвоём подняться к Керенскому, находившемуся этажом выше, и настоять на том, чтобы он принял М.В. Алексева и П.Н. Милюкова и согласился на их посредничество в переговорах с Корниловым. Министр-председатель поначалу встретил это предложение «крайне недружелюбно», но в итоге, «благодаря спокойному тону Головина», всё-таки с ним согласился¹⁰².

Руководители Комиссариата также могли влиять на положение арестованной царской семьи. Конечно, её судьба оставалась в руках Временного правительства, но Комиссариатом регулировалось и обеспечивалось множество бытовых мелочей, связанных с повседневной жизнью Николая II и его близких. Головин уже давно лично знал императора, которому в 1907 г. несколько раз докладывал о деятельности Думы. «Николай II — плохая копия дурных свойств Александра I..., — утверждал Фёдор Александрович в очерке, написанном в 1912 г. — по природе хитрый, двуличный и трусливый, он охотно готов свалить на голову другого ненависть народа, возбуждаемую его собственной внутренней политикой»¹⁰³. Мнение самодержца, кстати, оказалось столь же категоричным: после разговора с председателем Думы в 1907 г. царь в письме

⁹⁵ Там же, д. 3а, л. 8—11.

⁹⁶ Приказы комиссара Временного правительства над бывшим министерством двора и уделов // Вестник Временного правительства. 1917. 15 апреля.

⁹⁷ РГИА, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 3а, л. 12—12 об., 17—17 об., 21—23.

⁹⁸ Там же, л. 24.

⁹⁹ Там же, л. 18, 25.

¹⁰⁰ Там же, л. 26—27.

¹⁰¹ ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 465, л. 37.

¹⁰² Там же, л. 33—36.

¹⁰³ Головин Ф.А. Записки // Красный архив. 1926. Т. 19. С. 125.

к матери характеризовал своего собеседника как «nullité complète»¹⁰⁴. Макаров до революции придерживался весьма радикальных взглядов, был близок к эсерам и состоял в дружеской переписке с Б.В. Савинковым, за встречу с которым сидел с февраля по апрель 1911 г. в Петропавловской крепости¹⁰⁵. Подобное прошлое, казалось бы, не располагало к хорошим отношениям между свергнутым монархом и руководством Комиссариата.

Поначалу Головин действовал очень осторожно, сверяя свои шаги с позицией министров. Так, 21 марта на заседании Временного правительства рассматривалось доложенное Набоковым представление комиссара «О преподавании указаний Гофмаршальской части по вопросу о дальнейшем отпуске продовольствия отрекшемуся от престола императору Николаю II, супруге его и детям, вдовствующей государыне Марии Фёдоровне, а также пользовавшейся до сих пор продовольствием их свите, комнатной прислуге, придворно-служителям и служителям бывшего Высочайшего двора». Министры решили, что Головину следует самому «преподать указания» своим подчинённым «впредь до новых по этому предмету распоряжений Временного правительства»¹⁰⁶.

Как пишет И.В. Зимин, «в определении судеб царской собственности именно Фёдору Александровичу Головину предстояло сыграть важную роль»¹⁰⁷. Именно от него МИД получил точные сведения о размерах зарубежных капиталов Николая II. Деликатность данной информации состояла не в размерах этих сумм, отнюдь не баснословных (всего 16 522 347 руб. 65 коп.), а в том, что ещё со времён революции 1905 г. они размещались на счетах немецких банков (12 862 978 руб. 24 коп. — в Германском имперском банке, 3 659 369 руб. 41 коп. — в банкирском доме «Мендельсон и К°») ¹⁰⁸. Когда в начале 1918 г. народный комиссар имуществ Республики В.А. Карелин заинтересовался действиями Канцелярии императрицы Александры Феодоровны, продолжавшей выдачу средств (как царской семье, так и тем, кому Романовы платили пенсии и пособия) из «собственных капиталов», выяснилось, что «все расходы из упомянутых капиталов со времени Февральской революции производились каждый раз не иначе как с разрешения б[ывшего] комиссара Временного правительства Головина»¹⁰⁹. Свою позицию глава Комиссариата выразил в марте в одном из интервью, оговорив, что решающее слово — за Учредительным собранием: «Земли, принадлежащие членам семьи бывшего царя на правах частной собственности, подвергнутся той же участи, какой подвергнутся частновладельческие земли... Капитал царской фамилии, вероятно, конфискован не будет. Уделы же и многие дворцы, составлявшие не личную собственность Николая II, а принадлежавшие ему, как императору, перейдут к государству, просто потому, что теперь нет царя. Чтобы дать возможность бывшей царской семье существовать, будет выработан особый гражданский лист, который будет представлен на утверждение Учредительного собрания»¹¹⁰.

¹⁰⁴ Полное ничтожество (фр.). Цит. по: *Маклаков В.А.* Вторая Государственная дума. Л., 1991. С. 77.

¹⁰⁵ *Гордеев П.Н.* Павел Макаров — архитектор, масон, революционер // *Родина*. 2015. № 11. С. 108.

¹⁰⁶ Журналы заседаний Временного правительства... С. 155.

¹⁰⁷ *Зимин И.В.* Царские деньги: доходы и расходы Дома Романовых. Повседневная жизнь Российского Императорского Двора. М.; СПб., 2011. С. 479.

¹⁰⁸ ГА РФ, ф. 1907, оп. 1, д. 1, л. 10—12 об., 18; *Зимин И.В.* Указ. соч. С. 337—350.

¹⁰⁹ РГИА, ф. 525, оп. 3, д. 539, л. 118 об.

¹¹⁰ Ликвидация министерства двора // *Русская воля* (вечерний выпуск). 1917. 24 марта.

27 марта Головин сообщил кн. Львову о том, что им «образована особая юридическая комиссия для рассмотрения вопросов, связанных с необходимостью разграничить личное имущество отрекшегося б[ывшего] императора Николая II и членов его семьи от имущества государственного, в состав коей мною приглашены В.А. Маклаков, в качестве председателя, и членами: А.А. Демьянов, Ф.А. Вальтер, барон Б.Э. Нольде, А.Я. Гальперн, В.В. Исаченко и К.К. Дымовский; кроме того, от Совета рабочих и солдатских депутатов вошли М.Ю. Козловский и В.Н. Крахмаль¹¹¹»¹¹². Вероятно, выделение движимой собственности царской семьи оказалось настолько сложной задачей, что потребовало создания ещё одной комиссии, созданной комиссаром 16 сентября под председательством Макарова. В ней большинство составляли уже представители Комиссариата¹¹³.

По своим служебным обязанностям помощник комиссара общался с царской семьёй особенно близко: контролировал работу Канцелярии бывшей императрицы Александры Феодоровны, вскрывал письма, адресованные Николаю II, безуспешно пытался добиться поселения августейших узников в Ливадии, а затем сопровождал их в Тобольск, уговорив Керенского разрешить снабжение ссыльных вином¹¹⁴. В своих неопубликованных воспоминаниях, написанных в эмиграции, Макаров отзывался о семье свергнутого монарха вполне комплиментарно¹¹⁵.

Тем временем осенью 1917 г. чиновники бывшего МИДв активно занялись преобразованием Комиссариата в «нормальное» ведомство. Со 2 октября действовало созданное Головиным «Совещание по пересмотру штатов бывшего Министерства двора». На первом же его заседании председательствовавший начальник Канцелярии бывшего МИДв кн. Гагарин «заявил о необходимости пересмотра штатов дворцовых управлений в связи с предполагаемым преобразованием б[ывшего] Министерства двора в Главное управление государственных художественных имуществ и учреждений»¹¹⁶. Члены Совещания собирались пять раз (2, 19 и 24 октября, 24 ноября и 4 декабря), обсудив штаты и будущее положение дворцовых управлений, Эрмитажа, Русского музея, Археологической комиссии, Академии художеств, Управления государственными театрами, Государственного оркестра, Кассы и Общего архива бывшего МИДв, бывших придворных конюшенной и медицинской, а также гофмаршальской частей, Гаража его величества, бывших Собственных его величества библиотеки и придворного духовенства. На заседаниях присутствовали их начальники, а также временно исполнявший обязанности управляющего Кабинетом Рюдман (кроме 4 декабря)¹¹⁷, оставленный за штатом бывший начальник Контроля МИДв Фёдоров и помощник начальника Канцелярии бывшего МИДв Р.А. Штакельберг. Председательствовал неизменно кн. Гагарин¹¹⁸.

¹¹¹ Так в тексте; имеется в виду В.Н. Крохмаль.

¹¹² ГА РФ, ф. 1778, оп. 1, д. 300, л. 23.

¹¹³ РГИА, ф. 472, оп. 66, д. 607, л. 8.

¹¹⁴ Там же, ф. 525, оп. 3, д. 540, л. 1, 9; ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 465, л. 27–28, 44–52.

¹¹⁵ ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 465, л. 48–50. Благожелательное отношение Макарова к царской семье подтверждается и другими источниками: *Боткина Т.Е.* Воспоминания о Царской Семье // Царский лейб-медик: жизнь и подвиг Евгения Боткина / Сост. О.Т. Ковалевская. СПб., 2011. С. 339.

¹¹⁶ РГИА, ф. 482, оп. 10, д. 1337, л. 1.

¹¹⁷ Там же, л. 13.

¹¹⁸ Там же, л. 1–14.

В результате был разработан «Проект штатов Главного управления государственных художественных имуществ и учреждений», согласно которому должности его главноуправляющего присваивался II класс, причём жалование ему назначалось «по особому постановлению Временного правительства», тогда как его товарищу (III класс) полагалось 15 тыс. руб. в год. Главное управление состояло из административного и хозяйственного управлений (другие в проекте не упоминались). Начальник административного управления (IV класс) должен был получать 12 тыс. руб. жалования и столовых, его помощник (V класс) — 8 тыс. руб. Им подчинялось четыре отдела — инспекторский и пенсионный; художественных учреждений; юрисконсульская и секретарская части (в них по штату предусматривалось 15, 15, 5 и 9 чиновников соответственно). Структура Хозяйственного управления в проекте столь подробно не расписывалась¹¹⁹. В целом штаты и функции Административного управления соответствовали прежним размерам и обязанностям Канцелярии МИДв, до войны насчитывавшей 50 служащих¹²⁰. Хозяйственное управление, по-видимому, должно было заменить Хозяйственный отдел Кабинета (оставшийся, в отличие от Земельно-заводского отдела, в составе Комиссариата). Кроме того, сохранился недатированный проект «Положения о Совете по делам искусств», который предполагалось образовать «при главноуправляющем государственными художественными имуществами и учреждениями»¹²¹.

Имена главноуправляющего и его товарища в документах «Совещания по пересмотру штатов», разумеется, не назывались. Однако, в отличие от так и не созданного Министерства искусств, во главе которого, по общему мнению, должен был встать деятель творческой профессии, управление, призванное заведовать «имуществами и учреждениями», вполне мог возглавить и Головин. Характерно, что, в отличие от бурно обсуждавшихся весной проектов, «перформирование» Комиссариата в новое Главное управление готовилось без какой-либо огласки.

Разработанный Совещанием проект стал своеобразным итогом деятельности Головина на посту комиссара. Не сумев договориться с деятелями искусства из Комиссии Горького и Особого совещания, требовавшими радикальной реформы бывшего придворного ведомства, он доверил подготовку преобразования начальникам отдельных частей Комиссариата, большинство из которых долго служило в МИДв. Неудивительно, что они постарались максимально, насколько это было возможно в условиях революции, сохранить структуру (а вероятно, и личный состав) своих учреждений.

Падение Временного правительства перечеркнуло эти замыслы. Ещё в середине октября Головин уехал в Москву, где и остался после большевистского переворота, поручив 4 ноября временно исполнять обязанности комиссара Временного правительства над бывшим МИДв Рюдману, который до 30 ноября продолжал подписывать приказы по ведомству¹²². При этом, переписываясь с Рюдманом и Батюшковым, Головин вплоть до декабря пытался принимать участие в делах Комиссариата¹²³.

¹¹⁹ Там же, л. 15–16.

¹²⁰ Там же, ф. 472, оп. 66, д. 595, л. 59.

¹²¹ Там же, оп. 50, д. 1663, л. 62.

¹²² Там же, оп. 58 (15 доп.), д. 1, л. 134–137.

¹²³ *Гордеев П.Н.* Председатель II Государственной думы Ф.А. Головин. С. 180–188.

Между тем народный комиссар по просвещению А.В. Луначарский, уже 30 октября назвавший себя в приказе «временно получившим в своё заведение бывшее дворцовое ведомство»¹²⁴, также начал издавать распоряжения, а 2 декабря объявил об увольнении Рюдмана и назначении своего помощника Ю.Н. Флаксермана «временным полномочным комиссаром» по «ведомству бывшего кабинета царя и центральному ведомству бывшего министерства двора»¹²⁵. До поры до времени приказы Луначарского игнорировались служащими, участвовавшими, наряду с чиновниками других учреждений, в пассивном сопротивлении большевистской власти. Выразилось оно во вступлении в ноябре в «Союз союзов служащих государственных учреждений»¹²⁶ и в организации собственного «Союза служащих в установлениях бывшего Министерства двора», устав которого 17 декабря рассматривался на «Учредительном собрании служащих б[ывшего] Министерства двора по утверждению устава Союза служащих названного министерства»¹²⁷.

В декабре начались переговоры между делегатами от чиновников ведомства и Луначарским, Флаксерманом и народным комиссаром имуществ Республики Карелиным¹²⁸. Любопытно, что за исключением Батюшкова, ставшего организатором и лидером сопротивления большевикам в государственных театрах и избранного председателем Делегатского собрания служащих бывшего МИДв, все остальные руководители, игравшие видную роль в то время — Рюдман, начальник Петроградского дворцового управления Комаров, избранный председателем Учредительного собрания служащих б[ывшего] Министерства двора, чиновник Контроля МИДв И.М. Логинов, назначенный 4 ноября предпоследним приказом Головина временно исполняющим обязанности уполномоченного по Царскосельскому дворцовому управлению (вместо «отъехавшего» барона Штейнгеля) и ставший одним из основных переговорщиков с большевиками¹²⁹ — были типичными «царскими слугами», далёкими от «политики». Так, Рюдман, родившийся в 1866 г. и в 1889 г. окончивший юридический факультет Санкт-Петербургского университета, состоял на службе в МИДв с 1890 г. — начав карьеру со скромных должностей контролёра и бухгалтера, он с 1905 г. являлся помощником управляющего Кабинетом и руководил его Хозяйственным отделом¹³⁰. Практически все, кого привёл в Комиссариат Головин, как и он, покинули свои посты. В числе последних из Петрограда и Гатчины уехали Френкель и Голубков, 20 и 30 ноября Рюдман передал их полномочия подполковнику А.Г. Болину и полковнику А.К. фон Рейеру¹³¹. Как ни парадоксально, но в дни «саботажа» бюрократы, долго служившие императору, оказались для большевиков более приемлемыми переговорщиками, чем ставленники Временного правительства.

¹²⁴ Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы. В 3 т. Т. 1. М., 1966. С. 419.

¹²⁵ Луначарский А.В. Приказ // Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. 5 декабря.

¹²⁶ РГИА, ф. 472, оп. 66, д. 611, л. 1–4.

¹²⁷ Там же, л. 6–9 об.; д. 615, л. 4–8 об.

¹²⁸ Там же, д. 611, л. 23–30, 36–45; Постановления Ц. И. К. // Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. 15 декабря.

¹²⁹ РГИА, ф. 472, оп. 66, д. 615, л. 4; оп. 58 (15 доп.), д. 1, л. 132; ф. 482, оп. 6, д. 423, л. 1–27.

¹³⁰ Там же, ф. 482, оп. 6, д. 489, л. 1–4; ф. 1343, оп. 28, д. 4039, л. 7–21; ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 3, д. 24099, л. 1, 63; д. 62014, л. 11–24.

¹³¹ РГИА, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 1, л. 135, 137.

Фактическое подчинение ведомства новой власти произошло в конце декабря 1917 — начале января 1918 г. При участии делегата от служащих центральных установлений бывшего МИДв удалось сформулировать условия, при которых могла продолжаться их деятельность. 29 декабря они были подписаны Карелиным и Флаксерманом. 2 января 1918 г. Батюшкова силой отстранили от руководства государственными театрами. Наконец, 4 января постановлением по НКИР была упразднена Канцелярия бывшего МИДв¹³². Остальные «установления» Комиссариата перешли в ведение Народного комиссариата имуществ Республики.

Таким образом, возникший 8 марта 1917 г. Комиссариат Временного правительства над бывшим Министерством двора до конца оставался уникальным государственным учреждением, так и не получившим какого-либо определённого статуса. Ни весенние оживлённые дискуссии о создании «Министерства искусств», ни бюрократические проекты, без всякой огласки составлявшиеся осенью, не изменили его временного, переходного характера.

¹³² Там же, оп. 66, д. 611, л. 45; ЦГАЛИ СПб., ф. 29, оп. 1, д. 74, л. 1–2; *Бертенсон С.Л.* Вокруг искусства. Холливуд, 1957. С. 242–243.

Братание идеи со штыком. Политико-культурные смыслы Великой российской революции

Татьяна Филиппова

Marriage of an idea with a bayonet: Political and cultural meanings of the Great Russian Revolution

*Tatiana Filippova (Institute of Russian History and Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow)*

Именно так, «братанием идеи со штыком», определял культурный смысл революций западный исследователь Л. Питер, подчёркивая тем самым парадоксальность и драматизм момента — готовность революционного духа к самоутверждению ценою насилия над плотью. Но можно ли говорить о культурных смыслах революции, на деле попирающей гуманистические основания человеческой культуры как таковой?

Главную ценностную коллизию Великой российской революции 1917 г. можно увидеть как взаимную ответственность культуры перед обществом и общества перед культурой в условиях краха прежних политических,